

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

И.А. Бескова

ДИНАМИКА СМЫСЛОВ В КОГНИТИВНОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье исследуется проблема динамики смыслов с самых ранних стадий онтогенетического развития. Предлагаемое исследование в качестве отправной точки имеет позицию принципиальной значимости различия дуального и недвойственного подхода к истолкованию происходящего в когнитивной эволюции. Показывается, что привнесение дуального подхода в истолкование процессов когнитивного развития ребёнка лишает возможности адекватно представить динамику когнитивных способностей, а также сопутствующие этому процессу трансформации смыслов. Отказ от adult-culture-центристской позиции позволяет обосновать, что даже на стадии младенчества смыслы представлены, просто их природа очень отличается от того, что знакомо взрослому человеку по его опыту познавательной деятельности. Изучению предшествует рассмотрение ряда методологических вопросов, позволяющих сделать такой анализ менее зависящим от неявно привносимых ограничений и установок, имеющих статус методологических стереотипов. В частности, обсуждаются последствия adult-culture-центристской позиции в выявлении значимых аспектов развития ребёнка, показывается, к каким искажениям картины когнитивной эволюции это может приводить. Обосновано, что то понимание смысла, которое стало общим местом в современной науке, представляет собой поверхностный слой проявления глубинного смысла. Последний может быть репрезентирован как объёмный паттерн связности, рождающийся в мгновение установления недвойственной целостности и обладающий качествами полноты, синкретичности, полимодальности, недвойственной целостности.

Ключевые слова: смысл, познание, эмпатия, зеркальный образ, когнитивные способности, adult-culture-центризм, онтогенез, методология, недвойственность, интегральная телесность.

Review. The present article is devoted to the dynamics of meanings from the earliest stages of ontogenetic development. The proposed research is based on the idea of the principal difference between dual and nondual approaches to interpreting what happens during cognitive evolution. The author shows that implementation of the dual approach to interpreting processes of cognitive development of a child deprives us of the opportunity to adequately describe the dynamics of cognitive abilities and associated process of the transformation of meanings. Refusal of the adult-culture-centrist approach allows to prove that meanings are presented even at the stage of infancy but they are naturally different from what an adult knows from his own cognitive experience. Before carrying out the research, the author analyzes a number of methodological issues which allows to make the analysis less dependent on implicit limitations and stereotypes that have the status of methodological stereotypes. In particular, the author discusses the consequences of the adult-culture-centrist position in the defined significant aspects of child's development and demonstrates what distortions of the picture of cognitive evolution such approach may lead to. It is proved that the concept of meaning which is typical for contemporary science presents only a superficial layer of the depth meaning. The latter can be presented only as an extensive pattern of cohesiveness that is created at the moment of establishing the nondual integrity and possesses the features of completeness, polymodality, syncretism and nondual integrity.

Keywords: comprehension, empathy, mirror image, cognitive capacities, adult-culture-centrism, sense, meaning, ontogenesis, methodology, nonduality, integral embodiment.

Методология анализа вопроса

Статья посвящена рассмотрению логики трансформации смыслов в ходе когнитивной эволюции

человека (исследование поддерживается грантом РГНФ № 13-03-00122а «Феноменология смысла: когнитивный анализ»), при этом особый акцент делается на самых ранних, начальных этапах ста-

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00122а
«Феноменология смысла: когнитивный анализ».

новления смыслов, поскольку именно здесь кроется основная трудность в истолковании интересующего процесса. Состояние когнитивной системы взрослого человека исследователям, занимающимся данной проблематикой, в значительной степени известно по собственному повседневному опыту, что провоцирует распространить представление о нём и на те стадии, которые не даны в прямом усмотрении. В частности, вопросы, относящиеся к начальным периодам формирования смыслов, находятся за пределами повседневной практики: ранние переживания забыты, их отголоски (если они сохранились) ушли в сферу неосознаваемого, и в силу этого утратили статус непосредственно данных и самоочевидных. По этой причине весьма велика вероятность искажённого видения логики формирования и функционирования смыслов под углом зрения разного рода стереотипов, укоренившихся в науке под влиянием методологии исследования начальных стадий процессов с опорой на данные, полученные в ходе изучения (в том числе экспериментального) развитых фаз, что методологически совершенно неверно. Вместе с тем, адекватное понимание начального этапа когнитивной эволюции позволит во многом по-новому увидеть природу феномена осмысленности и его роль в познавательной активности человека.

Полагаю, что на ранней стадии онтогенеза, когда ребёнок не вычленяет себя из окружающей реальности, и со стороны кажется, что никаким знанием он ещё не располагает, смыслы в пространстве его жизненного мира всё равно представлены. Просто форма у них не та, что нам привычна по повседневному «взрослому» опыту. Есть ли какие-то общетеоретические основания для того, чтобы высказывать соображения на этот счёт? И почему бы не попытаться решить этот вопрос на основе экспериментальных исследований?

Последнее, на мой взгляд, абсолютно невозможно по логико-методологическим основаниям. Дело в том, что недвойственный феномен, каковым, без всяких сомнений, является восприятие-мышление младенца, не может быть сколько-нибудь адекватно проанализирован на базе дуальных средств и в рамках концепций, в основании которых позиция двойственного мировидения. А именно такими являются теории, гипотезы, средства анализа и методики истолкования данных, используемые в науке.

Что же получается, на эту тему вообще ничего осмысленного сказать нельзя?

Полагаю, что кое-что мы все же можем сделать. Однако путь анализа будет не от эмпирики к обобщениям, а обратный – от более общих постулатов к менее общим следствиям. Что будет выступать в качестве базового теоретического положения, на основании которого я попытаюсь реконструировать динамику трансформации смыслов на самых ранних стадиях когнитивной эволюции человека? Для меня ответ на этот вопрос очевиден: это положение о недвойственном статусе и восприятия, и мышления, и ресурсов репрезентации воспринимаемого у младенца.

Вторая реперная точка – это осознание и фиксация в явной форме того несомненного обстоятельства, что, несмотря на фундаментальную отчуждённость ребёнка от приёмов освоения мира, практикуемых взрослыми, он, тем не менее, располагает каким-то (или какими-то) настолько мощными инструментами альтернативной природы, что прогрессирует огромными темпами, осваивая и перерабатывая не вполне очевидным способом массивы информации, которые и не снились взрослому.

Третье. В процессах онтогенетической эволюции нет ничего волшебного или мистического, чего нельзя было бы объяснить на основе рациональных подходов.

Четвертое. Логико-методологическая реконструкция является наилучшим инструментом для исследования проблемы того порядка, для которой экспериментальный анализ, так же, как и анализ, осуществляемый в рамках парадигмы двойственного видения, неэффективен.

Итак, чтобы взглянуть на проблему динамики смысла с этой позиции, зададимся вопросом: каким смыслообразованием на самых ранних стадиях онтогенеза просто не может не быть, если мы исходим из естественного понимания эволюции мышления, предполагая, что она осуществляется на собственной основе, «на выходе» порождая то, что нам известно из собственного опыта «взрослого» феномена функционирования смыслов?

Когда мы судим о том, что для другого возможно, то нередко исходим из того, что доступно нам самим, что лежит в зоне «возможного-для-меня». Однако разумно ли, анализируя способности ребёнка, за точку отсчёта брать потенции взрослого: способ и форму протекания интересующих нас процессов, так сказать, «в идеале», «в норме» (а за норму бессознательно принимается то, как он предстает в результате изучения взрослых испытуемых)? Зачастую исследователи именуют такую

форму процессов и функций «развитой», и соответственно всё то, что от неё отличается, сразу обретает статус «неразвитая», «начальная», «ранняя». Уже в самом именовании видно, что специфика такой функции / способности определена в отношении чего-то, с чем она сопоставляется, и следовательно, имеет корни не в ней самой, не в её собственной природе, а в том, что по отношению к ней внешне. А это методологически неверный ход. Ведь, возможно, что та форма процессов, которую мы называем «ранней» и расцениваем как зачаточную (а то и примитивную) в сравнении с более развитыми способностями, демонстрируемыми взрослыми испытуемыми в ходе лабораторных исследований, на самом деле вообще *другая* функция. Да, она, как нам кажется, находится на месте той, что мы считаем её развитой формой, она помогает выполнять какие-то задачи, которые, как нам известно, выполняет во взрослом организме развитая функция, но что из этого? Может оказаться, что она, хоть и связана с ранним периодом развития человека, но не *перерастает* во взрослую, а на каком-то этапе развития *сменяется другой формой*, эволюция которой уже и даёт нам взрослые потенции. И обе эти формы («развитая» и «начальная») имеют исток не друг в друге, а, допустим, в характере мироощущения, которое органично той стадии роста и развития, на которой находится данный индивид. Все эти тонкости упускаются из виду, когда за точку отсчёта бессознательно принимаются потребности и возможности, характерные для взрослого организма.

Именно такого рода неосознаваемые установки и лежат в основе стихийно укоренившегося представления о том, что дети в своих возможностях, способностях, динамиках похожи на взрослых, но только менее умелые, менее развитые, и что по мере взросления происходит развитие и совершенствование изначально несовершенных функций, которые со временем (в идеале) разовьются во взрослые способности. И никого не смущает то обстоятельство, что «несовершенные» формы и структуры обеспечивают младенцу такой потенциал развития, который недоступен взрослому организму и в малой степени.

Полагаю, что подобное отношение к ситуации можно считать одной из тонких форм проявления антропоцентризма, но только не в приложении к хорошо известным парам «человек – другие виды живых существ» или «человек – мир», а в отношении пары «взрослый – ребёнок». Я бы назвала это

adult-центризмом. Здесь (так же, как и в случае проявления антропоцентристской позиции в интерпретации поведения, потенций и намерений других существ или объектов окружающего мира) за точку отсчёта (зачастую неосознанно) принимается позиция взрослого индивида современной технократической культуры. В определённом смысле это объяснимо: хоть какая-то отправная точка при изучении неизвестного феномена нужна, а кого исследователь знает лучше, чем самого себя и себеподобных?

Сходный приём (я бы назвала его culture-центризмом) наблюдается в изучении специалистами, принадлежащими к европейской традиции, представителей ранних культур. И именно он заставляет исследователей делать вывод о «примитивности», «детскости», неразвитости последних, отсутствию у них не только логики, но зачастую и здравого смысла. Именно этот подход вынуждает характеризовать некоторые из демонстрируемых представителями ранних культур способностей как иррациональные, мистические, тогда как, если убрать culture-центристскую позицию, мы увидим, что перед нами всего лишь другой способ взаимодействия с миром, обуславливающий возможность извлечения других типов информации. Предпосылка такой позиции так же понятна: любой исследователь принадлежит к некоей культуре, и если перед ним оказывается что-то ему непонятное, на собственном опыте неизвестное, он стремится примерить это неизвестное на себя, вписать в собственную систему координат, чтобы сделать его более узнаваемым.

Однако для того, чтобы adult-culture-центристская позиция не привела со временем к искажающим интерпретациям подлинного положения вещей, имеет смысл, как минимум, осознавать её наличие, а ещё лучше – вносить необходимые коррективы в интерпретацию полученных данных, в явной форме добавляя уточнение: «если бы данные результаты были получены для взрослого человека, принадлежащего к технократической культуре, они означали бы то-то и то-то». В таком варианте сразу становится очевидным, что, какие бы результаты ни были получены, автоматического переноса «взрослого положения вещей» на понимание процессов, происходящих во внутреннем мире ребёнка, не будет. (То же самое верно и по отношению к культурологическим разработкам.)

Итак, представление о возможном, доступном, имеющемся, у исследователей зачастую обуслов-

лено стереотипами, сформировавшимися на основе изучения взрослых испытуемых той же традиции, к которой принадлежит и сам исследователь. В этом, кстати говоря, одна из причин того, почему тесты интеллектуального развития, разработанные западной наукой, не должны без внимательной и осторожной корректировки применяться для изучения умственного развития представителей других культур: обстоятельства формирования личности, социокультурные условия, насущные задачи, с которыми сталкивается представитель изучаемой альтернативной культуры, могут сильно отличаться от тех условий и задач, на решение которых «заточена» технократическая цивилизация. Поэтому, в частности, североамериканцы, демонстрирующие по сравнению, допустим, с жителями Амазонии, несопоставимо более высокий IQ, очутившись в среде, органичной для последних, могут выглядеть для них совершенными простаками.

То же самое верно и для исследований умственного развития ребёнка: мы не должны смотреть на мир детства сквозь призму «взрослых» упорядочений, когнитивных стилей и мыслительных стратегий. Если же обстоятельства категориально-нормативного оформления научной деятельности заставляют это делать, не следует забывать о том, что то, как нам видится происходящее в мире ребёнка – это проекция *наших* потенциалов, ресурсов и стратегий на мир, принципиально отличающийся от нашего хотя бы по параметрам недальности и целостности. А именно эти характеристики кардинально меняют режим работы ума. Поэтому наши интерпретации полученных на пути экспериментального изучения мира ребёнка результатов – это, по сути то, как диссоциированному уму видятся процессы, которые принципиально недвойственны.

Феномен эмпатийного постижения в детстве: свет мой зеркальце, скажи...

У детей, как мне думается, восприятие имеющегося происходит принципиально иначе, чем это свойственно взрослому человеку технократической культуры, и в большей мере напоминает восприятие происходящего представителями культур, относимых антропологами к эволюционно ранним. А именно, происходящее в другом переживается как во-мне-самом-совершающееся. И тогда ребёнок, подобно представителям эволюционно ранних культур, способен ощущать другого как составную часть себя самого.

Что даёт такое допущение? Помогает ли оно ввести некие новые ноты в звучание темы смыслообразования? И вообще, имеются ли свидетельства, способные помочь в понимании разных стадий трансформации смыслов в когнитивной эволюции человека? Полагаю, что хотя прямых данных на этот счёт (по вышеописанным методологическим причинам) не может быть, некоторые косвенные выводы можно сделать на основании экспериментальных данных, касающихся отношения человека к собственному зеркальному образу. В частности, известно, что до определённого возраста ребёнок не узнаёт себя в зеркале. Почему? Что именно в его когнитивном статусе препятствует этому?

Долгое время считалось, что узнавание себя в зеркале говорит о зачатках самосознания. Источником этого представления послужили классические эксперименты Геллапа с шимпанзе, когда последним под анестезией наносили краской специальные метки на некоторые части лица, недоступные непосредственному наблюдению (бровь и ухо) [1]. После окончания действия заморозки и через контрольный промежуток времени обезьянам давали увидеть себя в зеркале. Если в ответ тестируемое животное пыталось устранить отметину, считалось, что оно распознаёт зеркальный образ как свой собственный. Это свидетельство было названо «прохождением теста отметки». Аналогичные исследования были проведены и в отношении детей (в этом случае метки наносились без анестезии, но при отвлечённом внимании). Удалось установить, что нормальными детьми проходимость теста демонстрируется с 12 месяцев: с небольшим успехом до 15 месяцев и с подавляющим – после 18.

Эти результаты и выводы положили начало целому потоку работ. Были выявлены разные формы самонаправленного поведения у шимпанзе: разглядывание перед зеркалом прежде недоступных непосредственному наблюдению частей тела, прочищение глаз, пускание пузырей ртом, корчение рож и т.п. Зеркало использовалось для корректировки движения руки в процессе манипуляций, а также при совершении крупных моторных действий [2]. В то же время обнаружилось, что не все шимпанзе способны к прохождению теста отметки, как, впрочем, и дети: не все (например, аутисты) и не в одно и то же время справляются с задачей распознавания себя в собственном зеркальном отражении. При этом было показано, что среди горилл встречаются особи, узнающие себя в зеркале и др.

Но практически с самого начала стали возникать возражения, касающиеся однозначности истолкования полученных результатов. Например, исследователи установили, что не только наблюдение своего зеркального образа побуждает маленького ребёнка к попыткам устранить отметину на собственном лице. Выяснилось, что в том случае, если нос ребёнка не запачкан, но перед ним лицо другого человека с запачканным носом, он зачастую также начинает трогать или тереть свой собственный нос, стремясь убрать несуществующую грязь. Вот как описывает результаты исследования Р. Митчелл: «Некоторые дети пытаются стереть несуществующую отметину на носу, видя, что у другого человека она есть. Семнадцать из пятидесяти девяти детей в возрасте 18-24 месяцев трогали свой незапачканный нос после того, как видели отметку на носу матери. Четверо из сорока восьми детей в возрасте 15-26 месяцев трогали свой незапачканный нос после того, как видели отметину на носу их ровесников на видео (и только одиннадцать из этих сорока восьми трогали свой собственный запачканный нос, когда видели в зеркале себя)» [3]. Иными словами оказалось, что и в том случае, если ребёнок видит отметину не на своем зеркальном отображении, а на лице другого человека, он тоже может пытаться «убирать грязь» именно со своего лица. Следовательно, вывод о том, что прохождение теста отметки однозначно свидетельствует о сформированности я-позиции, является преждевременным, поэтому можно констатировать, что прямой связи между этими факторами нет.

Однако может быть, между ними существует обратная связь? Свидетельствует ли неузнавание себя в зеркале об отсутствии самосознания? Только ли неразвитостью самосознания может быть обусловлено то обстоятельство, что живое существо не узнаёт себя в зеркальном варианте? Не может ли быть так, что в зеркале в некотором смысле *действительно* (!) не тот, кто напротив него? Для того чтобы попытаться понять природу переживаемого и отображенного образов себя, необходимо глубже проанализировать взаимосвязь внешних и внутренних особенностей организации телесности человека.

Начнём с констатации того факта, что зеркало меняет левое и правое. При этом хорошо известно, что левая и правая части лица (как, впрочем, и тела) у человека не вполне симметричны. О степени асимметрии говорит тот факт, что когда фотографию человека делили условной вертикальной осью пополам, а затем искусственным образом до-

полняли одну из сторон её зеркальным вариантом, людям не нравились получившиеся изображения, которые оценивались как «неудачные». В другом случае на основании исходных снимков были изготовлены два варианта синтезированных портретов: первый получался в результате соединения правой части лица с её зеркальным отображением, а второй – левой с её зеркальным вариантом. Результат был впечатляющим: несходство таких сконструированных образов бросалось в глаза.

Итак, асимметрии, представленные в лице, заметны и для самого человека, и для сторонних наблюдателей, а искусственные попытки убрать их делают человека на себя не похожим. *Впечатление* об асимметричности лица возникает в результате восприятия того, что, например, левая скула выше (ниже), чем правая, ноздря справа шире (*уже*), чем слева, форма или разрез глаз немного различаются (допустим, веко левого глаза прикрыто больше, чем правого) и т.п. Но почему вообще появляются такие вариации представленности *парного*, если это одна и та же структура у одного и того же человека?

Внешнее и внутреннее в природе человека

Внешний вид определяется наследственностью, личностной историей индивида, особенностями его характера и пр. То, как выглядят левая и правая стороны лица – не случайность, а проявление фундаментальных параметров организации и функционирования организма в целом. Имеет место глубинная корреляция внешнего и внутреннего, определяющая характер асимметрии в проявлениях парности. Для расшифровки этого феномена попробуем привлечь представления традиционной китайской медицины, в которой существует детально разработанная система соответствий внешнего и внутреннего в телесности человека. В частности, считается, что во внешнем облике выражены энергетические особенности организации и функционирования той внутренней системы, с которой данная часть лица соотнесена и чьим проявлением («внешними воротами») она выступает. В самом общем виде можно сказать, что преобладание *янского* начала выразится в большем динамизме, сжатости, жёсткости, спрессованности черт. *Иньского* – в большей пассивности, размытости, некоторой вялости, может быть даже рыхлости. Считается что «еда и питье, обладающие качеством инь, производят инь-структуры и инь-функции, в то время как еда и питье, обладающие качеством

ян, производят ян-структуры и ян-функции. В соответствии с качеством еды и питья, составляющих ежедневный рацион, меняется наше состояние – ежедневно и в той же пропорции. Еда и питье меняют качество крови и нервных реакций, что в результате приводит к изменениям в структуре организма в целом, а также к изменениям в отдельных функциях, что происходит за более короткий промежуток времени» [12, с. 19].

Существуют очень подробные разработки того, как выглядят разные области лица и тела в зависимости от своей иньскости или янскости: «Крепкие, рельефные кости свидетельствуют о крепком сложении – ян, а тонкие и слабые кости говорят о слабом и хрупком сложении – инь... Мягкие мышцы указывают на конституцию инь, им требуется больше жидкости, овощей и фруктов; плотные мышцы свидетельствуют о конституции ян, им нужно больше зерновых продуктов, бобов и животной пищи с большим количеством минералов» [12, с. 33].

В самом общем виде можно сказать, что «нижняя область головы представляет верхнюю часть области тела (за исключением рта и ротовой полости, которые отражают состояние пищеварительной системы); средняя часть головы представляет среднюю часть области тела, а верхняя часть головы представляет нижнюю часть области тела. В соответствии с этим принципом каждая область лица указывает на определённый орган тела и его функционирование» [12, с. 38]. В частности, щёки указывают на состояние лёгких, кончик носа представляет сердце, а ноздри – бронхи; левый глаз репрезентирует состояние селезёнки и поджелудочной железы, а правый – печени и желчного пузыря; область между бровями отражает состояние печени, лоб в целом – тонкого кишечника и т.п.

Напрашивается вывод: по тому, каков внешний вид разных областей лица и асимметричных его зон, можно судить не только о состоянии внутренних систем, но и о том, какова от природы представленность в них системообразующих энергий инь и ян. Неслучайно квалифицированные специалисты традиционной медицины по лицу достаточно точно диагностируют характер проблем, с которыми пациент сталкивается. Но если такого рода взаимосвязи внешнего и внутреннего в облике человека представлены, и профессионалы-диагносты способны их чисто визуально считывать, то какие у нас основания полагать, что дети, ещё не утратившие огромного числа заложенных в человеке от природы потенциалов, не могут делать чего-то подобного?

Если мы откажемся от adult-culture-центристской позиции, то поймём, что тот тип мировосприятия, который характерен для представителей ранних культур (когда ресурсами собственной телесности воспринимаемое репрезентируется ярко, красочно, мгновенно и без всяких усилий), больше подходит для истолкования познавательных приёмов ребёнка, чем аналитико-синтетические методы, практикуемые взрослыми. Чтобы стало яснее, о чём речь, сошлюсь на приводимые Э. Канетти яркие свидетельства. Так, бушмен способен узнать, что к нему в гости направляется отец, или что из соседней деревни возвращается жена, непосредственно почувствовав **в своём теле**: в первом случае, как болят старые раны отца, а во втором, – как в плечи жены впиваются ремни, на которых она несёт за спиной ребёнка. Ещё не видя антилопы, бушмен может уверенно ожидать, что она появится в таком-то месте, и он её убьёт. Основанием для такого предзнания может стать вспыхнувшее переживание, что он тащит на спине тушу антилопы, и по его ногам стекает теплая кровь, собираясь во впадинах под коленками [8; 9].

Итак, на ранних стадиях филогенетической эволюции инструменты познания отличаются от тех, которые преобладают на более поздних её этапах. Полагаю, в целом это верно и для онтогенетической эволюции: мы знаем, что маленький ребёнок лишён рассудочности, не в состоянии выдвигать гипотезы и проверять следствия из них с целью обнаружения истинного положения вещей, его самосознание ещё не сформировано, аналитический и синтетический методы не освоены и т.п. При этом он не может не располагать познавательным ресурсом, замещающим те, что находятся в распоряжении взрослого, позволяя получать и накапливать знания об окружающем. И этот ресурс должен быть чрезвычайно эффективным, поскольку известно, что младенцы прогрессируют в своём когнитивном развитии с такой скоростью и в таких масштабах, с какой и в каких не способен впоследствии прогрессировать взрослый человек.

Что же это за ресурс?

Другой в познавательном поле ребёнка

Я полагаю, что это способность переживать происходящее в другом как во-мне-самом-совершающееся, основанная на растворённости малыша в мире, его слитости с окружающим. Это способность спонтанного, мгновенного эмпатий-

ного схватывания и репрезентации происходящего в другом ресурсами собственной интегральной телесности (под интегральной телесностью я понимаю недואльную целостность <ум-тело>). В результате действия этого познавательного ресурса в пространстве жизненного мира ребёнка будут переплетаться два типа процессов:

- 1) те, что реализуют собственные динамики организма (инициированы его потребностями, нуждами, объективными условиями функционирования и т.п.) и
- 2) те, что рождаются в ответ на эмпатийное схватывание происходящего с объектом интереса.

В чём для самого человека будет выражаться отличие в переживании этих состояний, ведь вообще-то говоря, и те, и другие объективно разворачиваются в *его* внутреннем пространстве, и те и другие реализуются ресурсами *его* интегральной телесности?

Думается, отличие в следующем: динамики, ресурсами которых реализуется познавательная потребность (постижение природы *другого*), иницированы *извне*, запущены не с-самим-ребёнком-происходящим, а собственные иницируются *изнутри*, имеют внутреннюю мотивацию к разворачиванию. Возможно, на первых порах эти вариации ощущений ребёнком чётко не дифференцируются, но, по мере накопления опыта, складывается навык отличать то-во-мне, что имеет исток во внутреннем мире, от того-во-мне, что, хотя и «звучит внутри меня» (репрезентировано динамиками внутрителесных процессов), имеет корни в чём-то (или ком-то) другом. Безусловно, в таких категориях ребёнок происходящее не осмысливает, но отличия в переживаниях по этому поводу вполне может иметь, распознавая, когда на привычные ему состояния как бы накладывается ещё один пласт ощущений, – это и будет переживанием в себе совершающегося в другом (подобно тому, как у бушмена в какой-то момент может возникнуть ощущение врывающихся в плечи ремней, на которых жена несёт за спиной младенца, или почувствоваться боль старых ран отца). Можно предположить, что вхождение в режим проживания *другого* как составной части себя, с одной стороны, неожиданно меняет течение собственных внутрителесных процессов (неожиданно – в смысле немотивированно, без внутренне обусловленных предпосылок), с другой, – провоцирует появление второго пласта переживаний, налагающегося на собственные динамики, которые, несомненно, никуда не исчезают при вза-

имодействии с внешним миром. На основе переживания отличия этих состояний постепенно формируются предпосылки ощущения *границы*, как того, что отделяет эти два типа состояний.

Итак, воспринимая *другого* как составную часть самого себя в режиме эмпатийного схватывания, ребёнок непосредственно сталкивается с динамиками, разворачивающимися в *его* внутренней реальности: с процессами, идущими в нём самом. И это будут как процессы, реализующие его собственные нужды, так и те, ресурсами которых в нём репрезентируется окружающее: будь то другой человек или другой объект внешнего мира. В этом смысле – в смысле непосредственной данности, ощущаемой очевидности – блоки этих переживаний-состояний и есть он сам. Т.е. *его я*, безусловно, будет иметь в своей основе именно такую недифференцированную и неструктурированную целостность переживаемых в себе самом ощущений-состояний. И именно они, как мне думается, будут лежать в основе продлённого в мир переживания самого себя в период раннего детства: *это я*, и *это я*, и *это*, – всё это я. Разное, но я, потому что, хотя этому всему во мне соответствуют разные ощущения, но ведь *во мне* (конечно, малыш не способен отстранённо думать и оценивать «это я» «это во мне», но *вполне способен ощущать* соответствующим образом). Именно этим может объясняться то, что, видя запачканный нос другого, ребёнок начинает трогать или тереть свой собственный, а не тем, что он не имеет представления о «я». Имеет, просто оно иное, чем то, которое взрослый ожидает найти, ориентируясь на собственный опыт переживания внутреннего статуса.

Помимо вышеупомянутых двух типов процессов, переплетающихся в ходе когнитивного освоения ребёнком окружающего, можно говорить также и о двух важных *модусах самоощущения* в раннем детстве: 1) как *недифференцированной целостности*, в которой не представлено деление на «я» и «не-я», «моё» и «чужое», а имеет место слитость с окружающим, продолженность в мир; и 2) как той совокупности внутренних переживаний-состояний, которая *лежит в основе* чувствования происходящего в другом как во-мне-самом-совершающегося (хотя, само собой, понятий «я» и «другой» для малыша не существует, – это просто форма описания категориальным языком взрослых того, что такому описанию в принципе не поддаётся). Во втором случае речь идёт о той константе восприятия, которая постепенно вычленя-

ется в потоке многообразного опыта, как базисное звучание личности (на ранних этапах онтогенеза личность ребёнка представляет собой сплав телесно-эмоционально-чувственных переживаний-состояний, основные характеристики которых предзаданы генетически и способны развиваться в соответствии с факторами влияния культурной и социальной среды, в которой данный ребёнок получает опыт).

Чтобы проиллюстрировать специфику само- и мировосприятия в раннем детстве, обратимся к свидетельствам уникального мнемониста Шерешевского, особенности восприятия и памяти которого в своё время изучал и описывал известный советский психолог Александр Романович Лурия. Вырастая, большинство людей утрачивают самые ранние детские воспоминания. А то, что, как нам кажется, мы помним, неизвестно, в какой степени действительно наши воспоминания, а в какой – то, что навеяно рассказами взрослых о нашем детстве или нафантазировано нами самими в попытках реконструировать собственную историю становления. К тому же такие воспоминания по большей части фрагментарны и неотчётливы. Здесь же – то ли в силу особенностей памяти (Лурия отмечал способность Шерешевского абсолютно точно и без предварительного предупреждения воспроизводить и через тридцать лет то, что он запомнил когда-то), то ли из-за исключительной чувствительности к образам разных модальностей, – а, скорее, и того, и другого, – мы оказываемся свидетелями самых ранних диффузных переживаний, при которых, как пишет Лурия, «нет границ восприятиям и чувствам, ... где всё становится зыбким, неясным, где ощущения трудно выразить словами» [11, с. 49].

С раннего детства всё происходившее воспринималось Шерешевским в сложном сочетании образов разных модальностей, переживалось ярко, целостно. Вот мать склонилась над колыбелькой, и это – светлый туман. «Мама и все женщины – это что-то светлое... и молоко в стакане, и белый молочник, белая чашка – это всё, как белое облако...» [11, с. 53].

Образы, поначалу слабо различимые и находящиеся как бы не в фокусе, всё же дифференцируются на основе переживания отличий в собственном внутреннем состоянии: «Мать я воспринимал так: до того, как я её начал узнавать, – «это хорошо». Нет формы, нет лица, есть что-то, что нагибается и от чего будет хорошо... Это приятно. Я видел мать так, как если бы вы смотрели через камеру

фотографического аппарата... Сначала вы ничего не различаете – только круглое облачко – пятно... потом появляется лицо... потом черты лица приобретают резкость. Мать берёт меня...» [11, с. 49].

Одновременно оформляется и переживание неприятного: «... А вот ещё... что-то неприятное – холодно... ощущение пятна – такое, как когда сажают на горшочек около двери и печки... Я плачу, мне кажется, что, когда меня сажают на горшочек насильно, у меня пропадает желание им пользоваться. Я его боялся... Он внутри белый, снаружи зеленоватый, в середине его на эмалевой облицовке большое чёрное пятно... Я думал, что это пятно как таракан на стене. Я думал, что это «а жук»» [11, с. 50]. «... «А жук» – это выщербленный кусочек на горшочке... Это кусочки чёрного хлеба... Вечером с появлением света появляется «а жук»... Не всё освещено, свет лампы падает только на маленькую площадку, кругом темно – это «а жук»... Бородавки – это тоже «а жук»... Вот меня ставят перед зеркалом... вот шум... это смеются... Вот мои глаза в зеркале, тёмные – это тоже «а жук»... Вот я лежу в кровати... а затем крик, шум, угрозы... Что-то варят в эмалированном чайнике... это бабушка, она варит кофе. Она опускает что-то красное и вынимает... «а жук!». Уголь – это тоже «а жук»... Вот зажигают свечи по субботам... свеча в подсвечнике горит, оставшийся стеарин не растапливается, фитиль мигает, делается чёрным... Мне страшно, я плакал – это тоже «а жук»... И когда неаккуратно наливали чай, туда попадают чайники... вот они на блюде... это «а жук»...» [11, с. 53].

Таким образом, наиболее ранние формы восприятия, когда ещё нет возможности различать детали и понимать происходящее, сплавлены в целостное «это приятно – это неприятно». Так, поначалу мать ещё не распознаётся как конкретный человек, но уже существует возможность выделять её среди ряда других объектов, оказывающихся в поле внимания младенца: приятное не просто соотносено с матерью, она *и есть* «то, что приятно». Потом это ощущение распространяется на всё *сходным образом переживаемое* – «мама и все женщины – это что-то светлое... и молоко в стакане, и белый молочник». Точно также вычленяется и генерализуется пугающее, тёмное, издающее непривычные резкие звуки («шум», «смеются») – это всё неприятное, «а жук».

В приведённых описаниях самых ранних помнимых впечатлений обращает на себя внимание то, что мерилом уподобления воспринимаемого выступает *внутреннее переживание* происходяще-

го, а именно, те состояния, возникновение которых провоцируется соприкосновением с объектами внешнего мира. На этой стадии когнитивного формирования нет ещё понимания, нет никакой мысли, нет вывода и рассуждения. Нет даже узнавания («Мать я воспринимал так: *до того, как я её начал узнавать* (курсив мой – И.Б.), – «это хорошо»). Есть лишь самоощущение, меняющееся в зависимости от того, что попадает в сферу внимания: мама и все женщины, и молоко в стакане – это что-то светлое, приятное. А пятно в горшочке, таракан на стене, собственные глаза в зеркале, темнота, окружающая пятно света, – это всё неприятное, пугающее. Иначе говоря, получается, что человек на самых ранних стадиях онтогенеза действительно использует те же основания членения воспринимаемого, что и остальные живые существа. Это подтверждает соображения Ф. Кликса о функции гедонистического дифференциала в эволюции человека и представления А. Лоуэна о том, что сначала складывается система регуляции, основанная на принципе удовольствия, а затем уже на принципе реальности.

Итак, самые ранние впечатления связаны с переживанием представленности *другого* в себе. Эти впечатления присутствуют даже тогда, когда ещё нет узнавания, а есть лишь меняющееся внутреннее чувство-ощущение, возникающее при попадании *другого* (в широком смысле: и человека, и предмета, и явления) в орбиту внимания. Поэтому можно сказать, что начальные формы репрезентации воспринимаемого – это недетализованные, неспецифицированные переливы самоощущения, происходящие между полюсами «это приятно» – «это неприятно».

В каком направлении в дальнейшем трансформируются механизмы и ресурсы когнитивного освоения реальности? Что может служить подсказкой в случаях, когда речь идёт о достаточно ранних стадиях ментального развития, когда ещё нет возможности изучения испытуемых лабораторными методами, применяемыми для исследования взрослых? Некоторые интересные выводы, как представляется, можно сделать на основе анализа отношения детей и взрослых к образу, который они видят в зеркале.

Переживание зеркального образа

Как уже упоминалось, маленькие дети до достижения определённого возраста не узнают себя в зеркале. Ранее мы попытались разобраться, с чем

это может быть связано. Но теперь зададимся вопросом: если ситуация действительно такова, что в зеркале и в самом деле не вполне (а точнее, не в полном объёме) мы сами, то почему же взрослые этого как будто не замечают – ведь они без труда узнают себя в зеркальном образе, несмотря на искажение асимметрий? Они при этом не чувствуют несогласованности имеющегося и видимого? Они игнорируют свои ощущения по этому поводу?

Я думаю, взрослый человек *приучил* себя не замечать, но на самом деле чувствует определённое несоответствие образа внутреннему состоянию. Были проведены исследования, где испытуемым демонстрировали наборы из двух фотографий, одна из которых запечатлела обычный образ человека, другая – его зеркальный отбрасывание. При этом среди фотографий были снимки и самих испытуемых, и их друзей. Предлагалось оценить, какая из каждых двух фотографий привлекательнее. Оказалось, что там, где дело касалось друзей и знакомых, люди выбирали прямые изображения, а себя они предпочитали в зеркальном варианте [4]. Эти результаты были истолкованы в том смысле, что человек предпочитает то, что чаще видит, с чем чаще сталкивается [5]: понятно, что других мы чаще видим в прямом изображении, а себя – в зеркальном. Однако, на мой взгляд, это поверхностное объяснение. Полагаю, что здесь есть ещё один пласт смыслов: отвергаемое изображение (для других – зеркальное, для себя – прямое, как через линзы камеры) *рождает внутри человека ощущение, не возникающее у него в условиях обычного восприятия*.

Хорошо известно, что часто людям не нравятся их собственные фотографии. Почему? Только ли потому что непривычны? Представим себе ситуацию: с человеком поработал квалифицированный стилист, в результате его внешний облик серьёзно изменился. Человек смотрит на себя в зеркало, видит *непривычное* изображение, но оно ему нравится (именно на этой интриге строятся многие популярные телешоу). Значит дело не только в привычном-непривычном? А в чём тогда? Думается, в том, что когда человек видит себя не так, как в зеркале, весь комплекс внутренних переживаний, сопутствующих воспринимаемому, говорит ему: этот образ *не соответствует* внутренне переживаемому, внутренне ощущаемому как «я». Но как это возможно, ведь именно отвергаемое прямое изображение на самом-то деле выражает подлинное внутреннее состояние? Откуда же диссонанс?

Полагаю, дело в следующем: мы *приучили* себя переставлять знаки «левое – правое» на собственных восприятиях-ощущениях. Фактически, можно сказать, что перед нами процесс, где происходит двойная смена означивания. Поясню.

Если мы смотрим на собственное зеркальное отображение, то там, где у нас в реальности асимметрия, условно говоря, «выше-ниже», «уже-шире», в зеркале окажется обратная ей («ниже-выше», «шире-уже»). Иными словами, если в реальности правая скула у человека выше, чем левая, а левая ноздря шире, чем правая, то у зеркального образа скула с левой стороны окажется выше, а ноздря с правой стороны шире. Но ведь, как было показано, асимметрии внешнего облика неслучайны: они выражают параметры *организации и функционирования внутренних систем*, чьим внешним проявлением выступают. Поскольку сжатость–спрессованность и размытость–мягкость черт представляют собой не просто случайные поверхностные особенности, а выражают *большую иньскость или янскость* соответствующих им внутренних структур (выше приводилась система корреляций), постольку зрительное восприятие *обратных* симметрий не может не вызывать внутреннего диссонанса.

Полагаю, человек с возрастом не утрачивает способность воспринимать корреляции внешнего и внутреннего, которая в раннем детстве выступает составной частью механизма эмпатийного постижения. Просто у взрослого (в силу доминирования рассудочных форм познания над интуитивно-чувственными) соответствующие знания чаще остаются в сфере неосознаваемого.

Чтобы осмыслить динамику изменения отношений с собственным зеркальным обликом, рассмотрим ситуацию по отношению к ребёнку. Как уже отмечалось, на ранних стадиях онтогенеза при восприятии того, что попадает в зону внимания, малыш ориентируется на собственные переживания-ощущения по поводу воспринимаемого. Ресурсами внутрителесных динамик он репрезентирует воспринимаемое им внешнее проявление внутренних характеристик другого существа, переживая происходящее в другом как «во-мне-самом-совершающееся».

Однако, если этим «другим» оказывается он сам, наработанный механизм репрезентации никуда не исчезает: воспринимая свой зеркальный образ, он автоматически стремится отстроить внутрителесные процессы в соответствии с параметрами *так* видимых асимметрий и особенностей

внешнего облика. В этом акте постижения ребёнок неизбежно переживает состояния, отличные от тех, которые органичны для него, составляют его подлинную природу. По этой причине образ, породивший такие состояния, вполне логично не распознаётся как собственный. Полагаю, именно по этой причине дети до 18 месяцев и большинство животных не узнают себя в зеркале.

Но тогда почему по мере взросления способность узнавания себя в зеркале всё-таки появляется? Ведь не можем же мы думать, что внутрителесные динамики в ходе восприятия *зеркального* отображения начинают совпадать с *реально представленными* в человеке, чтобы он с достаточным на то основанием начал опознавать их как собственные? Полагаю, дело в следующем.

Формирование барьера инаковости

Чтобы узнать себя в зеркале, которое, меняя левое и правое, искажает истинные переживания внутрителесных процессов, надо иметь навык нечувствительности к тому, что внутри тебя не соответствует свидетельствам глаз и рассудка, убеждающих, что тот, кто в зеркале – это ты и есть. Подобная невосприимчивость к непосредственным переживаниям возможна, только если сформирована способность отгораживаться от происходящего во внутреннем мире. А это предполагает наличие – хотя бы в зачаточной форме – системы представлений: «это я настоящий, я подлинный, а это, хотя вроде бы тоже я, но не вполне, это не такое существенное я, его свидетельствами можно пренебречь». «Тоже я, но несущественное» – это, безусловно, телесность (в отличие от ментальности), тело (в отличие от головы), плоть (в отличие от духа). Если подобное самоощущение в человеке возникло, значит, он уже впустил в свой мир двойственность: деление на «я» и «не-я», на «мое» и «чужое», на внутреннее и внешнее. И пальма первенства оказалась отдана первым элементам упомянутых пар отношений. Это значит, что к этому моменту когнитивной эволюции имеет место сформированность *я-позиции*, в соответствии с которой структура мироздания обретает центр, и в этот центр оказывается помещён разум, а точнее, рассудок того, чьим жизненным пространством такое видимое мироздание предстает.

Маленький ребёнок, в мир которого ещё не вторглась двойственность, считывая собственный зеркальный образ в режиме эмпатийного схватывания, сталкивается с тем, что репрезентиро-

вать ресурсами интегральной телесности то, что находится перед его глазами, оказывается весьма непросто. Ведь для этого многие параметры внутренних систем, чьим внешним проявлением выступают асимметрии лица, должны быть переозначены. В распоряжении малыша нет аппарата умозаключений, он опирается на непосредственное внутреннее чувство. Следовательно, чтобы получить знание о зрительно воспринимаемом, он должен его прочувствовать. Например, система, которая в реальности является иньской, при восприятии зеркального облика должна быть представлена как янская и наоборот. Процессы иньские (замедленные) и янские (быстрые) в самоощущении должны поменять свой знак на противоположный: быстрые потребуются считать медленными, а медленные придётся квалифицировать как быстрые. Конституциональная сила, сжатость, динамизм янской системы должны быть во внутреннем ощущении пережиты как слабость, размытость, вялость функционирования и обратно. Пока человек имеет незатруднённый доступ к динамикам собственной телесности, данным ему в прямом, непосредственном, спонтанном усмотрении, для него такое переозначивание – практически невыполнимая задача. Это равносильно тому, чтобы, находясь летом под раскаленным солнцем Египта и плавясь от жары, констатировать, что замерзаешь от холода, – и сделать это только потому, что перед твоими глазами картинка, где ты на морозе раздетый прыгаешь на месте, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Причём требуется сделать это не так, как Настенька в сказке «Морозко», еле шевеля губами, на вопрос: «Тепло ль тебе, девица, тепло ль тебе, красная?», отвечает: «Тепло, батюшка, тепло, Морозушко», – а совершенно искренне и с полным на то основанием. Нет никаких сомнений в том, что, пока сохраняется способность воспринимать происходящее во внутреннем мире как прямую непосредственную данность, **произвести такое переозначивание невозможно**. Возможным это становится только с того момента, когда собственные внутрителесные динамики оказываются недоступны прямому непосредственному усмотрению, в результате чего проигнорировать их показания не составляет никакого труда.

Но допустим всё-таки, что тот, кто ещё не утратил непосредственного доступа к происходящему в собственном внутреннем мире, попытается принять зеркальное изображение как «я». Что при этом будет происходить?

Полагаю, произойдет сшибка видимого и ощущаемого. В этом, думается, одна из причин того, почему некоторые животные (я, например, замечала это у собак), когда видят своё отражение в зеркале (особенно поначалу), ощетииваются и даже могут рычать и бросаться на зеркало, как будто тот, кто в нём, особенно ненавистен. Но почему? Ведь встречая других собак на улице, они на них не обязательно так реагируют? В чём причина такой особой агрессии по отношению к собственному зеркальному облику? Обычно это истолковывают как то, что животное считает, что видит в зеркале другую особь, соперника. Я же думаю, животное ощущает, что видит не просто другую особь и соперника, а, буквально, *антипод себя самого*.

Испытывать постоянно такие ощущения при восприятии собственного зеркального образа дискомфортно и, до некоторой степени, непродуктивно, – ведь разглядывание себя в зеркале несёт значительную практическую пользу. Поэтому по мере взросления человек научается корректировать внутренние ощущения, которые возникают при восприятии собственного зеркального изображения. При этом, на мой взгляд, ставится определённый блок на собственные внутрителесные означивания реально имеющегося и приоритет отдается тому, что видят глаза. Иными словами, мы бессознательно принимаем решение игнорировать показание внутренних чувств, доверяя рассудку, подсказывающему, что верным является видимое, а самоощущение ошибочно.

Представляется, что можно наметить стадии разотождествления, которые встречаются в когнитивной эволюции человека при его продвижении от состояния полной растворённости в мире к сформированной я-позиции. В зависимости от того, чей облик принимает выступающий объектом эмпатийного постижения *другой*, может происходить разотождествление:

- с неодушевленным объектом,
- с одушевленным объектом иного вида (живое существо, не являющееся человеком),
- с человеком,
- с внешним миром – как целостным *другим*,
- с миром собственных субсистем (фактически с самим собой) – как целостным *другим*.

Когда эти стадии отделения оказываются пройдены, человеческое «я» обретает очертания ментально-психо-эмоциональной структуры, укоренённой в пространстве мнимости, каковым, на мой взгляд, и предстаёт пространство границы, от-

деляющей внешний мир от внутреннего мира собственных субсистем организма (уже само понятие «пространство границы» внутренне противоречно, что, на мой взгляд, хорошо передаёт существо выражаемого им феномена как иллюзии, тем не менее, имеющей исток в подлинных переживаниях субъекта, отгородившегося от мира барьером инаковости). Такое «я» иллюзорно в той же мере, в какой ирреально пространство его локализации. И это хорошо согласуется с представлением восточных традиций об иллюзорном статусе «я».

Итак, подлинной предпосылкой способности узнавания себя в зеркале выступает не выработка я-позиции и формирование самости, а *утрата непосредственного прямого доступа к внутренним процессам, ресурсами которых (в режиме эмпатийного схватывания) репрезентируется воспринимаемая информация*. Хотя, справедливости ради, стоит признать, что подобного рода утрата соседствует с вышеупомянутыми стадиями когнитивной эволюции, все же тождества между этими фазами развития нет.

Динамика смыслов в ходе становления самости

На основе анализа изменения отношения к собственному зеркальному образу можно сделать ряд интересных выводов об этапах формирования самости в когнитивной эволюции человека и о сопутствующих этому процессу тенденциях трансформации смыслов.

Я полагаю, что основным инструментом познания на ранних стадиях когнитивной эволюции выступает механизм эмпатийного схватывания происходящего в другом, как во-мне-самом-совершающегося. Маленький ребёнок, в отличие от взрослого представителя технократической культуры, ещё не утратил способности произвольно и непреднамеренно считывать эту информацию, отчетливо ощущая в себе самом динамику процессов, разворачивающихся в другом.

Каким должно быть самоощущение ребёнка, находящегося на этой стадии когнитивного развития?

В качестве своей предпосылки механизм эмпатийного постижения-схватывания имеет позицию познающего субъекта, которую можно охарактеризовать следующим образом: нет барьера, изолирующего человека от мира. Младенцу спонтанно присуще то, к чему призывают многие духовные традиции: а именно, отказ от иллюзорного пред-

ставления об изолированности своего я. Причём у него это не результат сознательно принятого решения и работы над собой. Это пока ещё не утраченное самоощущение, непосредственное переживание себя как чего-то слитого с миром. Хорошее представление об этом состоянии даёт характеристика Э. Нойманна: «Маленький, немощный, много спящий, т.е. большей частью бессознательный, он плавает среди своих инстинктов подобно животному. Выношенный и рожденный великой Матерью Природой, взлелеянный её руками, он, несмотря ни на что, предоставлен ей полностью. Он – ничто, мир – всё. Мир укрывает и кормит его, в то время как он сам едва ли чего желает или что-то делает. Ничего не делая, он инертно лежит в бессознательном, просто существуя в неисчерпаемом сумеречном мире, все его потребности легко удовлетворяются великим кормильцем – таково это раннее, блаженное состояние» [13, с. 31]. Конечно, эта красочная характеристика относится, скорее, к новорожденному, тем не менее, она даёт яркое представление о стартовой точке вектора онтогенетической эволюции. В каком же направлении продвигается когнитивное развитие ребёнка в ходе формирования самости?

Как уже отмечалось, видя пятно на носу другого человека, малыш зачастую начинает трогать или тереть свой нос. Обратим внимание: *нос*, а не щеку, не лоб, не ногу или руку. Это значит, среди прочего, что маленький человек уже имеет *точный образ своего тела*, который спонтанно функционирует, обеспечивая адекватность локализации видимого вовне в пространстве собственной телесности. Следовательно, *телесное я* у малыша правильно локализовано в границах физического тела, тогда как *ощущающее, сопереживающее, эмпатийное я* разлито, продолжено в мир, спонтанно и без усилия включает в себя также и *другого*.

Однако с момента выстраивания границы и *ощущающее я* втягивается в сердцевину жизненного пространства, лишь незначительно выходя за пределы собственного тела, что позволяет иметь некое минимальное предощущение параметров разворачивающегося контакта с объектом интереса: каким окажется предмет, к которому тянется рука, гладким или шероховатым, холодным или теплым? На этой стадии развития когнитивная граница уже слабо проницаема для способности эмпатийного схватывания внутренней природы другого и выражения её в языке собственных внутрителесных динамик. Но задача адаптации к сре-

де требует прогнозирования хотя бы ближайших последствий принимаемых решений и совершаемых выборов. И тогда начинает формироваться **понимающее я**, как тот инструмент, который позволит выбраться за жестко очерченный круг данного в прямых непосредственных ощущениях, чтоб хотя бы частично пробить брешь в той стене инаковости, которой человек отгорожен от мира с момента формирования самости. Инструментом такого прорыва за пределы очерченного становится эго-сознание – когнитивная способность, корни которой следует искать в феномене самости.

Именно в это время рождается **познание** как когнитивный инструмент освоения реальности в результате её исследования (до этого преобладает **постижение** в форме прямого непосредственного усмотрения природы имеющегося за счет его мгновенной эмпатийной репрезентации ресурсами собственной интегральной телесности). Появляется и само исследование, как *процесс* выявления сути заинтересовавшего, а не акт её непосредственного схватывания. Теперь это сложно организованный ритуал узнавания, состоящий из вопросов и ответов, шагов и последовательных операций, из выдвижения гипотез, формулирования теорий и проверки следствий. Это изучение, которое стартует от поверхности объекта интереса и шаг за шагом продвигается вглубь, ошибаясь и исправляя ошибки, пробуя и отсеивая неверные предположения о причинах поведения объекта интереса и его внутренней сути.

Подобного рода когнитивный переворот в само- и мироощущении, а также в «познавательном инструментарии» не может не сопровождаться трансформациями характера и статуса смыслов, посредством которых человек репрезентирует и перерабатывает свой опыт. В каком же ключе?

Смыслы младенца совсем не похожи на то, что человеку знакомо по его взрослому опыту, именно поэтому возникает соблазн предположить, что на начальных стадиях младенчества их вообще ещё нет. Данное предположение – одно из ярких проявлений *adult-центризма*: если нет того, что знакомо по собственному опыту взрослой жизни, то и вообще этого нет. Данная позиция в корне неверна: смыслы у младенца есть, просто они имеют совсем иную представленность, чем у взрослого, когда он функционирует в режиме самоосознания, т.е. занимает позицию наблюдателя по отношению к себе самому и к объекту интереса. Если бы младенцы, познавательная активность которых, на пер-

вый взгляд, не вписывается в рамки современных представлений об осмысленном, действительно не имели вполне сформированных (для их уровня развития) смыслов, пришлось бы объяснять, как и почему на каком-то этапе когнитивного развития человека смыслы рождаются, а также раскрывать причины и механизмы такого скачка, привязывая его к некоей стадии эмоцио-ментальной эволюции. Кроме того, пришлось бы каким-то образом объяснить появление всех тех форм «нестандартных смыслов», которые соотнесены с невербальным, не символическим в природе человека, и самым тесным образом связаны с феноменами интуиции, творческого прозрения и спонтанности в когнитивной жизни человека. И то, и другое, как любое методологическое затруднение, которое не удаётся разрешить достаточно очевидным образом, спровоцирует бесконечные дискуссии относительно самых оснований категориального аппарата эпистемологии и будет достаточно бесплодным, поскольку крутиться станет вокруг псевдо проблемы. А подлинная проблема – не в том, как объяснить скачок от «бессмысленности младенчества» к осмысленности взрослой жизни, а в том, чтобы раскрыть осмысленность в когнитивном статусе младенца.

Итак, смыслы у младенца – это целостные, недualьные конструкты, производные от состояния всего его существа, выраженные ресурсами интегральной телесности (как недualьной целостности <ум-тело>) и возникающие в момент полной поглощённости контактом с объектом интереса. Они являются результатом и формой непосредственного переживания глубинной природы такого взаимодействия, совершающегося в состоянии стопроцентной вовлечённости ребёнка в происходящее. Этот контакт осуществляется вне барьера, отделяющего субъекта познания от его объекта, без позиции наблюдателя по отношению к разворачивающемуся взаимодействию и к себе самому, в условиях полной поглощённости процессом. Итогом так организованного взаимодействия являются не вербально-символьные конструкции, а *состояния*, которые по своей природе объёмны, целостны и недualьны в той же мере, в какой объёмна, целостна и недualьна интегральная телесность младенца, ресурсами которой подобные смысловые констелляции представлены.

По мере формирования самости (вместе с сопутствующим этому процессу выстраиванием границы между человеком и миром) происходит уси-

ление влияния эгоцентрически ориентированных тенденций – иначе говоря, тенденций, в которых всё больший вес начинает приобретать собственная позиция ребёнка, и следовательно, увеличивается зазор между воспринимающим и объектом восприятия. В арсенале средств репрезентации смыслов возрастает роль эго-сознания и когнитивных ресурсов, основанных на его использовании: это и естественный язык с его неустранимой дуальностью, и категориальный аппарат мышления, и двойственное мировидение. Это, прежде всего, символичные и символично-образные формы репрезентации опыта, наиболее широко применяемые в ситуациях восприятия происходящего с позиции наблюдателя и в режиме самоосознавания. И напротив, интегрально-телесные компоненты репрезентации смыслов в повседневной практике не только отходят на второй план, но и перестают отчётливо переживаться.

В результате подобного процесса «я» человека оказывается отделено барьером не данности в прямом непосредственном усмотрении не только от внешнего мира, но и от внутреннего мира собственных субсистем. Соответственно, и смыслы, активно задействованные на этом уровне когнитивного развития, оказываются оформлены именно так, как это требуется для обработки ресурсами эго-сознания, т.е. в виде вербальных и / или образно-символьных конструктов. Глубинная подложка, представляющая собой интегрально-телесное обеспечение этого поверхностного слоя смысловой выраженности, для эго-сознания оказывается полностью нечитаема вследствие взаимоисключающей ориентированности тех форм мировосприятия и миропонимания, на базе которых такие средства строятся и развиваются, а именно дуальности и недвойственности. Эго-сознание, сердцевинной которого является позиция наблюдателя по отношению к происходящему (и соответствующая этой позиции двойственность миропонимания), полностью не воспринимает глубинную компоненту смыслов, функционирующих на его уровне, поскольку в основе последней – недуальное мироощущение. Именно отсюда проистекает убежденность, что смысл – это совокупность признаков, с помощью которых имя указывает на предмет, им обозначаемый. Только на уровне эго-сознания существуют предметы, имена и признаки, потому что все эти понятия и категории – дериваты двойственного мировидения и миропонимания. На уровне недвойственности наличествуют **целост-**

ные состояния, рождающиеся в момент стопроцентной вовлеченности человека в разворачивающееся взаимодействие, где нет малейшего зазора между воспринимающим и воспринимаемым, где воспринимать – значит становиться воспринимаемым, где вообще нет воспринимающего и воспринимаемого, а есть целостная сложная система взаимодействия и взаимопроникновения ранее относительно независимых начал: субъекта, забывшего себя в этом взаимодействии и, тем самым, утратившего позицию наблюдателя, и объекта, оказавшегося в поле его внимания.

Данные состояния недвойственны, тем не менее, люди, пережившие их, стремятся представить свой опыт в категориях, привычных для дуального миропонимания: «Когда мы полностью фокусируемся на происходящем, все наши мысли заняты только настоящим, мы не думаем о том, что было, или о том, что будет. В момент полного сосредоточения человек не сравнивает переживаемое событие с какими-либо другими, ведь любая попытка сравнения сразу же заставит его ум отвлечься и внимание рассеется. Когда вы научитесь быть настолько внимательными, не останется ни одной части вашего сознания, которая должна наблюдать за вами или осознавать, что с вами что-то происходит. Вы целиком *станете* тем, что переживаете в данный момент. Когда вы ощущаете вкус земляники на сто процентов, вы *становитесь* земляникой. Когда вы вдыхаете запах розы на сто процентов, вы *становитесь* запахом розы. Вы буквально сливаетесь с тем, что переживаете в данный момент, и перестаете быть получающим опыт» [6, с. 136-137] (аналогичные идеи см. – [14; 15]).

В этом состоянии имеет место неделимая целостность проживания поступающей импульсации всем своим существом, выражаемая ресурсами интегральной телесности. Составной частью такого проживания является то, что впоследствии обретет статус вербального продуцирования, выражения в языке. На начальном же этапе это непровольная, непреднамеренная, спонтанно осуществляемая фонация. Уже наблюдения за животными показывают, что подобного рода непреднамеренной спонтанной фонации воспрепятствовать труднее, чем её допустить. Например, известная английская исследовательница Джейн Гудолл, изучавшая обезьян в условиях естественной среды обитания [7], наблюдала, как самец шимпанзе, занимавший в социальной иерархии одну из низших ступеней, издал вопль ужаса, когда к нему приблизился во-

жак, но тут же зажал себе ладошкой рот, чтобы остановить крик и казаться менее напуганным. Исследования людей также свидетельствуют о том, что звуковое оформление имеет так сказать «автоматическую компоненту» в своём генезе. В частности, известный антрополог Георг Кюлевинд, много лет посвятивший работе с «детьми индиго» замечает: «При восприятии на слух слышимое оставляет свой след, отпечатывается на слуховых органах или на голосовых связках, там происходит, как у ребёнка, впечатывание в телесность при одном только настрое внимания...» [10].

Таким образом, в ситуациях, когда отсутствует позиция наблюдателя в отношении разворачивающегося взаимодействия и воспринимающий не отделён от воспринимаемого барьером инаковости, смыслы рождаются как непосредственная фиксация состояний, переживаемых в момент подобным образом организованного взаимодействия. Это своего рода стоп-кадры, которые запечатлеваются в мгновение переживания наиболее ярких и репрезентативных состояний и потому впоследствии могут эффективно играть роль когнитивных заместителей больших фрагментов значимого для субъекта опыта. Непроизвольные, неконтролируемые, спонтанно рождающиеся фонации – неотъемлемая компонента такого проживания, и тем самым, составная часть инструмента репрезентации опыта, в рамках получения которого они возникли.

Объёмные, полимодальные, целостные, синкретичные образы-репрезентаты, рождающиеся в актах фиксации целостных недуральных состояний, естественным образом содержащие фонологическую компоненту, по мере нарастания эгоцентрических тенденций в когнитивном опыте человека начинают играть несколько иную роль. Теперь это уже не просто слепок пережитого, это всё в большей мере инструмент, позволяющий делиться своими впечатлениями, переживаниями и опытом с другими членами сообщества с целью эффективной организации взаимодействия с ними и наиболее успешной адаптации к среде.

Этому соответствует трансформация исходных форм репрезентации в направлении возрастания роли обезличенного, общеупотребимого, наиболее часто встречающегося и в силу этого максимально эффективного в плане межличностного общения. Это уже не целостные полимодальные, синкретичные конструкты, где нет главного и второстепенного, где всё слито и переплетено. Это всё более устойчиво функционирующие про-

изводные ранних форм опыта, где значимость отдельных компонентов уже поставлена в зависимость от того, насколько эффективно они играют роль инструмента коммуникации и, тем самым, от их оценки другими членами сообщества. Это, если так можно сказать, образы, функционирующие как символы, или образы-символы. За ними уже не стоит непосредственность первоначальных впечатлений. Это скорее некая зачаточная форма «знания о»: исходное переживание всё ещё может быть воскрешено, но для того, чтобы отнесение к классу аналогичных событий или состояний состоялось, этого в полном объёме не требуется, – срабатывают навыки и автоматизмы. Это, безусловно, ускоряет процесс когнитивной обработки информации, но в то же время превращает её в более обезличенную, оторванную от конкретики, объёмности и полимодальности непосредственного чувства. И именно это делает такие «типические переживания» подходящей основой для формирования неких более абстрактных, более изолированных от непосредственного переживания когнитивных паттернов упорядочения опыта, чем это было ранее.

Итак, смысл – это конфигурация связности, рождающаяся в мгновение установления недуральной целостности <человек – объект интереса>, представленная во всей своей глубине, полноте, объёмности, обеспечиваемой задействованием всех ресурсов репрезентации. Но как же тогда быть со смыслами, зафиксированными в словарях? В моём понимании, это верхушка айсберга, поверхностный пласт подлинной глубинности и объёмности смысла, апеллирующий к эго-сознанию и двойственному мировидению. Это застывший и довольно консервативный по отношению к изменениям слой. Но это и хорошо, иначе вся наука оказалась бы в сложном положении. Коммуникация, возможно, пострадала бы в меньшей степени, потому что там гораздо больше доля невербального, спонтанного, ситуативно и контекстно обусловленного, что позволяет эффективно привлекать дополнительные ресурсы для того, чтобы быть понятым.

Исчезают ли со временем эволюционно ранние, младенческие формы репрезентации смыслов? Безусловно, нет. Более того, на мой взгляд, именно они лежат в основании тех форм организации опыта, которые являются подлинным источником интуитивных усмотрений, творческих прозрений и спонтанных осознаний в сфере познавательной активности взрослого человека.

Список литературы:

1. Gallup G. G., Jr. Chimpanzees: Self-recognition // Science. 1970. V. 167. P. 86-87.
2. Swartz K.B. What is mirror self-recognition in nonhuman primates, and what is it not? // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 65.
3. Mitchell R.W. A Comparison of the Self-Awareness and Kinesthetic-Visual Matching Theories of Self-Recognition: Autistic Children and Others // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 39-40.
4. Mita T.H., Derner M., Knight J. Reversed facial images and the mere-exposure hypotheses // Journal of personality and social psychology. 1977, 35. P. 597-601.
5. Kihlstrom J.F., Klein St.B. Self-Knowledge and Self-Awareness // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 10.
6. Бёркен Т. Экстремальная духовность. Потрясающее путешествие за внутренние границы. К.: София; М.: ИД «София», 2004.
7. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М.: Мир, 1992. 670 с.
8. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Margine», 1997. 527 с.
9. Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 483-488.
10. Кюлевинд Г. Звездные дети. М., 2005. С. 30-34.
11. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти // Романтические эссе. М., 1996.
12. Микио Куши. Восточная диагностика характера и здоровья. Ростов-на-Дону, 2001.
13. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М., 1998.
14. Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. К.: София, 1996. 288 с.
15. Толле Э. Практика «Power of now». М.: ООО «Изд-во «София»», 2009. 160 с.

References (transliteration):

1. Gallup G. G., Jr. Chimpanzees: Self-recognition // Science. 1970. V. 167. P. 86-87.
2. Swartz K.B. What is mirror self-recognition in nonhuman primates, and what is it not? // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 65.
3. Mitchell R.W. A Comparison of the Self-Awareness and Kinesthetic-Visual Matching Theories of Self-Recognition: Autistic Children and Others // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 39-40.
4. Mita T.H., Derner M., Knight J. Reversed facial images and the mere-exposure hypotheses // Journal of personality and social psychology. 1977, 35. P. 597-601.
5. Kihlstrom J.F., Klein St.B. Self-Knowledge and Self-Awareness // The self across psychology. Self-recognition, self-awareness, and the self concept. N.Y., 1997. P. 10.
6. Berken T. Ekstremal'naya dukhovnost'. Potryasayushchee puteshestvie za vnutrennie granitsy. K.: Sofiya; M.: ID «Sofiya», 2004.
7. Gudoll Dzh. Shimpanze v prirode: povedenie. M.: Mir, 1992. 670 s.
8. Kanetti E. Massa i vlast'. M.: Ad Margine, 1997. 527 s.
9. Kanetti E. Prevrashchenie // Problema cheloveka v zapadnoi filosofii. M.: Progress, 1988. S. 483-488.
10. Kyulevind G. Zvezdnye deti. M., 2005. S. 30-34.
11. Luriya A.R. Malen'kaya knizhka o bol'shoi pamyati // Romanticheskie esse. M., 1996.
12. Mikio Kushi. Vostochnaya diagnostika kharaktera i zdorov'ya. Rostov-na-Donu, 2001.
13. Noimann E. Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya. M., 1998.
14. Sudzuki D.T. Mistitsizm: khristianskii i buddistskii. K.: Sofiya, 1996. 288 s.
15. Tolle E. Praktika «Power of now». M.: ООО «Izd-vo «Sofiya»», 2009. 160 s.